

ЭКОНОМИСТ КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

П. В. УСАНОВ

*кандидат экономических наук, доцент
Государственный университет — Высшая школа экономики,
Санктпетербургский филиал
e-mail: usanovpv@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с профессией экономиста-исследователя и экономиста-теоретика, его ролью в обществе и особенностями его деятельности в свете понимающей социологии М. Вебера, на примере истории экономической мысли. Делается вывод о том, что на современном этапе своего развития профессия экономиста становится все более технократической, экономист становится специалистом по интервенционизму. Избежать данной тенденции можно лишь противопоставив технократизму неоклассической теории качественный анализ экономических процессов, наиболее полно осуществляющийся в рамках прагматической традиции.

Ключевые слова: профессиональные экономисты, компетентностный подход, научные школы.

Коды классификатора JEL: A 11, B50.

Разве в интеллектуальном плане экономическая теория не является очень легкой дисциплиной по сравнению с высшими разделами философии и чистой науки? ...Однако хорошие или хотя бы компетентные экономисты встречаются чрезвычайно редко. Парадокс этот объясняется, очевидно, тем, что экономист высшей пробы должен обладать редким сочетанием множества способностей. Он должен обладать громадным объемом знаний в самых разных областях и сочетать в себе таланты, которые редко совмещаются в одном лице.

Дж. М. Кейнс [10, с. 16]

В 1905 году М. Вебер опубликовал в «Архиве социальной науки и социальной политики» (т. XX и XXI) свой классический труд «Протестантская этика и дух капитализма» [5, с. 7–187], в котором на историческом материале продемонстрировал существующую взаимосвязь между количеством и долей протестантского населения по отношению к католическому и количеством предпринимателей и коммерсантов в обществе. Наличие критической массы последних на территории Западной Европы сыграло решающую роль в процессе зарождения капитализма именно в этом регионе, а не каком-либо ином. Протестантская этика, основывающаяся на идее предопределенности к спасению, поставила профессиональную успешность в ранг критерия богоугодности конкретного индивидуума, который, если он стремится к спасению своей души, должен выбирать профессию в соответствии с тем, к чему призвал его Творец. Служение своему делу — есть кратчайший и самый верный путь к спасению в соответствии с учением различных сект протестантизма, например кальвинизма и баптизма.

Развивая свои мысли в ряде публичных выступлений перед студентами Мюнхенского университета в 1918 году, то есть за год до своей смерти, М. Вебер изложил свое видение политической и научной деятельности не только как профессии, но и как призвания. Идея доклада «Наука как призвание и профессия»¹ заключалась в том, что современный ученый не может претендовать на «фаустовскую» широту, и, если он хочет лучшим образом служить своему делу, ему следует отказаться от претензий

¹ Характерно, что почти за сто лет до М. Вебера с подобным же докладом выступал другой немецкий мыслитель, И. Г. Фихте, с речью «О назначении ученого». Для Фихте в не меньшей степени был характерен пафос пророка и моралиста.

на обладание трансцендентным² и сосредоточиться на специальных и довольно узких исследованиях, не претендуя на широкие обобщения философского характера³. Правда, сам М. Вебер не считал возможным в своей исследовательской деятельности воспользоваться выдвинутым им императивом, — не зря он обладал славой одного из наиболее разносторонних и энциклопедичных исследователей в области социально-экономических наук, или как их называл сам М. Вебер, — «Наук о духе»⁴.

Эволюция экономической теории начиная с даты опубликования фундаментальной работы М. Вебера и до начала XXI века, подтверждает тот факт, что идея о глубокой специализации проникла в экономическое сообщество и овладела умами до такой степени, что стало можно говорить об отрыве знака от референта, по Ф. де Соссюру, а также о том, что такое положение неразрывно связано со все усиливающимся кризисом видения экономической действительности как процесса и структуры⁵, особенно в экономико-математических исследованиях.

Задача данной статьи — выявить истоки и причины данного феномена на материале истории экономической мысли, а также предложить альтернативный путь развития — более цельной, реалистичной, гуманной и полезной экономической теории XXI века.

Данная статья служит своего рода попыткой применить метод понимающей науки о человеческой деятельности М. Вебера и Л. фон Мизеса к вышеназванным проблемам «призвания» и «роли» современного экономиста и «роли» экономической теории в обществе⁶.

I

Компетенции⁷, которыми должен обладать современный экономист, существенно отличаются от тех, которыми обладали экономисты прошлого. Если современный экономист неоклассического направления сравнит свои компетенции с теми, какими обладали его коллеги в прошлом, он будет крайне удивлен «схоластичностью», «литературностью» и отвлеченностью экономической теории прошлого, где больше внимания уделялось словесному описанию и логике экономического анализа, а не созданию эконометрических моделей и их эмпирической проверке. По классификации О. Конта, экономическая наука XIX века еще не стала позитивной наукой, а лишь находилась на стадии метафизических конструкций, которые по большей части являются нефальси-

² «Пророки на кафедре» обличались М. Вебером не только как безответственные болтуны, но и как глашатаи истины, которой они не владеют сами, а лишь прикрываются своей ученостью для воздействия на не имеющую возможность сопротивляться аудитории. Такие пророки неизбежно воспитывают лучших вассалов для будущего тоталитарного лидера.

³ Позднее эта идея была доведена до логического завершения представителями сциентизма, отрицающими существование неverifiedируемого, читай трансцендентного.

⁴ В «Человеческой деятельности» [12] Л. фон Мизес относит экономическую теорию к «наукам о духе».

⁵ Содержание сборника «Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса» [7] лишь подтверждает этот факт. Современная экономическая теория абстрагируется от экономики как процесса» и от предпринимательского творчества.

⁶ Насколько известно автору, на сегодняшний день не было написано статьи с подобного рода названием и содержанием, хотя потребность у самого автора в прочтении работы «Экономист как призвание и профессия» появлялась еще давно. Не найдя работы подобного рода, автор посчитал возможным взяться за ее самостоятельное написание. Следует отметить, что лишь в трактате Л. фон Мизеса автор нашел удовлетворительное понимание призвания и профессии экономиста, но в последнем разделе «Человеческой деятельности» [12] эта тема переплетается с другими, поэтому в ней автор нашел лишь наметки темы этой статьи.

⁷ Под компетенциями в данном случае понимается одна из современных концепций образования, активно обсуждающаяся в академическом сообществе и Министерстве образования. Выпускник вуза, в том числе экономического, должен получать не знания «под конкретное рабочее место», а компетенции, которые позволили бы ему эффективно построить свою карьеру после обучения. В соответствии с компетентностным подходом, не следует перегружать студента «ненужными знаниями», а необходимо научить его конкретным навыкам, например заполнению документов, общению с работодателем и т. д.

фицируемыми. Преодоление метафизичности экономической теории подразумевало перенятие стандартов и методов наиболее успешной точной науки — физики, а точнее классической механики. Ключевая метафора экономической теории — равновесие, несомненно, заимствована именно из физики, а не из биологии, которая, по мнению А. Маршалла, с именем которого обычно связывают переход от метафизики к позитивной теории в области экономических исследований, должна служить образцом для экономической теории будущего. Правда, сам А. Маршалл предпочел более простой канон физики [7, с. 3]. Выбор, совершенный экономическим сообществом в конце XIX века, оказался решающим для развития экономической науки вплоть до начала XXI века. Особенно важным оказался послевоенный период, когда формировались наиболее авторитетные школы экономической мысли и происходила интенсивная институционализация экономического сообщества⁸.

Далее в статье речь пойдет о причинах и последствиях данного процесса, для чего будет привлечен сравнительный метод сопоставления особенностей профессии экономиста в прошлом и в настоящем, а также, насколько это позволяет имеющаяся на данный момент информация, в будущем.

II

Профессионализация экономической науки начинается только в конце XIX века, до этого времени можно выделить лишь более или менее успешные попытки создания сообщества единомышленников, и если представителей системы меркантилизма лишь весьма условно можно было отнести к некоей «школе» или «направлению»⁹, то уже физиократы под водительством Ф. Кенэ считали себя неким профессиональным сообществом, объединенным не только харизматичной личностью «учителя», но и рядом «догм», например о естественной способности земли к порождению богатства в большем объеме, чем во всех других отраслях экономики. Не зря их самоназвание было «экономисты», в отличие, например, от А. Смита и Д. Юма, которые называли себя философами, хотя история оценила их иначе (прежде всего первого из них).

А. Смит отличался от своих предшественников тем, что уделял политическим рекомендациям гораздо меньше внимания, чем его учителя-физиократы, последние стремились к непосредственному влиянию на экономическую политику государства: введение единого налога, ограничение доли населения, занятого непроизводительным трудом, и т. д., — не зря группу экономистов, объединившихся вокруг личности Ф. Кенэ, называли «сектой», а сами они считали себя посвященными, которые должны воплотить идеи учителя в жизнь¹⁰. Хотя идеи физиократов во многом остаются актуальными и сегодня, все же их анализ начинается не с того, как складывается спонтанный порядок, а с конструктивизма, что методологически крайне опасно, так как

⁸ П. Самуэльсон отмечал, что после 1969 г., когда была введена Нобелевским комитетом премия по экономике имени А. Нобеля, экономическая теория может с полным основанием считаться наукой, так как до этого профессиональные стандарты позволяли каждому автору, который пишет на экономическую тематику, утверждать свои стандарты научности, которые могли серьезно отличаться от неоклассических. Эпоха «здравого смысла» и «рассуждений общего характера», с точки зрения П. Самуэльсона, ушла навсегда в прошлое, заменив ее научной строгостью и формализацией. Л. фон Мизес называл такое стремление быть не хуже физиков и математиков — «сциентизмом», т. е. стремление исследователей области гуманитарных наук перенять метод «точных» физико-математических дисциплин.

⁹ Как известно, А. Смит был первым, кто довольно разношерстную публику, в которую входили и администраторы-памфлетисты, и прожектеры, и просто небезразличные люди, объединил в одно течение — систему меркантилизма, хотя каждый из них вряд ли относил себя к чему-то вроде «системы меркантилизма», тем более что жили они в разные века и в разных странах и общего между ними было лишь стремление к рассмотрению внешней торговли как единственного источника богатства государства [19, с. 440–443].

¹⁰ Следует отметить, что этого нельзя сказать обо всех физиократах, например В. де Гурне и А. Тюрго четко выделяются среди сторонников холистического подхода «экономической таблицы» как яркие представители традиции, из которой позже произошло рождение концепции спонтанного порядка.

фактически, это не что иное, как создание утопии, без попытки осмыслить ту экономическую действительность, в которой пытаются насадить нечто претендующее на разумность.

Физиократы и меркантилисты уделяли теории гораздо меньше внимания, чем классики английской политической экономии. Последние понимали роль экономиста не в конструктивизме (общая черта первых школ политической экономии¹¹), а в исследовании спонтанного порядка, складывающегося непреднамеренно, без единого планирующего этот процесс органа. Поэтому А. Смит и его последователи уделяли первостепенное внимание просвещению¹². Именно через просвещение, а не минуя его (как в случае с меркантилистами и физиократами) должно осуществляться постепенно усовершенствование экономического порядка. Представители английской политической экономии заложили краеугольный камень понимания особой роли экономиста в обществе — экономиста-просветителя.

В дальнейшем этим высоким статусом в обществе воспользовались различные представители социализма и интервенцизма. Причем марксизм здесь не самый яркий представитель. Уже Дж. С. Милль в своих «Принципах политической экономии» встал на позицию рикардианской трудовой теории ценности, отрицающей роль субъективного фактора в процессе образования ценности. Не зря Л. фон Мизес говорил, что «по сравнению с Миллем все остальные социалистические авторы — даже Маркс, Энгельс и Лассаль — едва ли имеют какое-либо значение» [3, цветная вкладка «Упадок либерализма»].

К 1870 году экономическая теория оказалась на распутье. Маржиналистская революция произошла одновременно в трех интеллектуальных центрах, породив австрийскую школу, лозаннскую школу и кембриджскую школу. Две последние в отличие от первой никогда последовательно не проводили принцип методологического индивидуализма. И если К. Менгер смог совместить атомистический анализ с эволюционной теорией институтов, то две последние школы — особенно после выхода в свет главной книги А. Маршалла «Основания экономической науки» [10] в 1890 году — смешали индивидуализм с коллективизмом и объективизмом, пытаясь сохранить рикардианство (случай А. Маршалла), а также математизировать (случай Л. Вальраса, В. Парето) то, что математизации не поддается, — субъективную творческую деятельность человека, что убедительно показал в своем трактате по экономической теории Л. фон Мизес [12, с. 329–335; 6, с. 433–463]. Кроме этого, позитивизм, выбранный в качестве основной методологии маршаллианства, заложил фундамент конструктивизма в экономической теории, господствующего до сегодняшнего дня. Экономисты стали специалистами по TAXISy (насажденному, искусственно созданному порядку), а NOMOS или KOSMOS (спонтанный порядок), оказался не востребованным сообществом экономистов. С того момента, как был осуществлен выбор сообществом экономистов в пользу технократизма, и до сегодняшнего дня мало что изменилось.

Австрийская школа политической экономии была единственной школой, где после маржиналистской революции и до нынешнего времени уделялось особенное внимание именно NOMOSy. Поэтому она осталась хранительницей идеалов просвещения. Л. фон Мизес по этому поводу говорил, что экономисты не могут себе позволить быть специалистами, оперирующими понятиями (в том числе математическими), о которых не имеет представления просвещенная часть общества, идеи экономистов должны быть достоянием не технократов, а гражданского общества [12, с. 823].

¹¹ Отличие характерно, пожалуй, лишь для саламанской школы. Подробнее см. [17, с. 44–56].

¹² Г. Спенсер даже утверждал, что «Адам Смит, сидя в своей комнате у камина, произвел больше перемен, чем многие первые министры». (Г Спенсер. Представительное правление и к чему оно пригодно. 1857). Это изменение, несомненно, было вызвано не его политической активностью, а «Богатством народов».

Но на сегодняшний день ситуация обстоит так, что сообщество экономистов-технократов является источником интеллектуального обоснования интервенционизма, разрушающего спонтанный порядок (NOMOS)¹³.

III

Стоит особенно выделить довольно распространенный взгляд на профессию экономиста, обстоятельно представленный в двухтомной «Панораме экономической мысли» под редакцией Д. Гринэуэя [9, с. 142–173]. Там, в частности, говорится о том, с какими трудностями приходится сталкиваться экономисту в процессе попыток реализовать свои теории на практике, особенно на государственной службе: для того чтобы убедить политика в верности своих идей, приходится идти на компромиссы с ним и нарушать идеал независимого и объективного в своих оценках технократа, так как спрос на технократа находится в прямой зависимости от его способности гарантировать то, что невозможно гарантировать, — достижение провозглашенной политиком цели. Выход — отдать на откуп политикам принципы и цели экономической политики, а самим заняться усовершенствованием моделей до наступления лучших времен, когда в достаточной степени просвещенные политики придут за советом к высокообразованным экономистам-технократам и попросят посчитать экономический эффект от принятого ими решения. Или — второй вариант — заниматься интеллектуальным обоснованием того, что хочет политик, вне зависимости от того, будет ли это способствовать экономическому порядку или нет. Самостоятельная позиция профессионала по вопросам экономической политики несовместима с идеалом технократа, делающего то, что ему скажут.

Отрыв экономистов от экономической политики не в последнюю очередь связан с философией технократизма, господствующей в области естественных наук, — специалист в области экономики не имеет права (как ученый-экономист) выносить оценочные суждения на основе своих профессиональных знаний о последствиях того или иного решения (он может это делать как гражданин), он лишь может указать на неизбежные последствия этого решения¹⁴. Тем самым экономист-технократ выносит себя за рамки экономической деятельности и как демон Лапласа должен выносить лишь объективные суждения о том, к чему приводят ошибочные поступки политиков, недостаточно просвещенных в области экономической теории, либо обосновывать их решения авторитетом экономиста-профессионала. Но если экономист делегирует право устанавливать цели и ценности политику, то он тем самым, лишает себя способности влиять на те процессы, в которых должен быть экспертом, и передает данное право некомпетентному политику. Отказываясь от вынесения ценностных суждений, экономист (как экономист) девальвирует ценность

¹³ В недавно переведенной книге такой «мэтр» экономической теории как П. Самуэльсон пишет: «Мы, экономисты, работаем прежде всего для того, чтобы заслужить уважение коллег, позволяющее нам самим больше уважать себя. Когда после Депрессии (1929–1933) в период Нового курса Рузвельта у желающих появилась прекрасная возможность найти работу, сначала полевели младшие по должности преподаватели. Затем, не желая от них отставать, полевели, и даже в еще большей степени, их старшие товарищи... Сплошь и рядом продукция экономистов истеблишмента — только то, что лидеры и массы уже жаждали воспринять... Мы, экономисты, вовсе не пытаемся оставаться в высшей лиге, пропагандируя идеи какого-нибудь чудака из прошлого». То есть современный экономист-неоклассик полностью становится на позицию технократа и отказывается от просвещения/пропаганды «идеи какого-нибудь чудака из прошлого» [16, с. 12–13]. Следует отметить, что П. Самуэльсон и М. Блауг говорят об идеях Л. фон Мизеса и других австрийцев: они «заставляют меня дрожать за репутацию моей науки». И далее П. Самуэльсон скоропалительно дополняет: «К счастью, все это мы оставили позади» [2, с. 149]. Интересно, изменил ли свое мнение П. Самуэльсон, так как М. Блауг нашел в себе мужество признать, что события недавнего прошлого заставили его признать, что «постепенно, и крайне неохотно, но я все же пришел к выводу о том, что они (австрийцы) были правы, а все мы заблуждались» (в вопросе о вальтерсианском равновесии) [17, с. 164].

¹⁴ Которые, правда, могут ему не предоставляться и будут неизвестными, в таком случае технократ будет не у дел.

своей профессии, так как, если политик решит нанять его (как технократа) для осуществления морально неприемлемой функции, он с полным правом может согласиться, ибо его профессиональное призвание не в том, чтобы «наставлять на путь истинный», а в том, чтобы осуществлять дорогостоящие услуги политику. «Всеядность» экономистов в таком случае становится источником усиления власти некомпетентных, и вся роль экономистов сводится к перераспределению за определенную плату¹⁵ дохода в пользу некомпетентных за счет государства.

Таковы последствия отчуждения экономического сообщества от самого предмета экономических исследований — неизбежное следствие довольно распространенного мировоззрения экономистов, основанного на «гильотине Юма» [2, с. 190], в соответствии с которой за экономические процессы отвечают люди, некомпетентные в вопросах экономики, — политики (с позволения самих экономистов), а экономисты удаляются от мира в башню из слоновой кости, для того чтобы заниматься созданием мозаичных моделей, не позволяющих объяснить наблюдаемые экономические процессы и сформировать видение экономической действительности. Налицо кризис понимания роли экономиста в обществе¹⁶.

IV

Вопрос, неразрывно связанный с ролью экономиста в обществе, — это вопрос о тех компетенциях, которыми должен обладать профессиональный экономист. Ответить на него сегодня призван так называемый компетентностный подход. Так как современные учебные заведения готовят выпускников не на конкретное рабочее место, а на конкретный рынок, то и набор качеств и характеристик должен соответствовать потребностям рынка: не должно быть чрезмерного внимания к объему знаний, которые не пригодятся в будущей профессиональной деятельности, напротив, следует сокращать объем ненужных дисциплин и часов, а взамен их формировать у студентов базовые профессиональные компетенции, такие как способность учиться на практике, общение с клиентами и руководством, умение заполнять конкретные документы, проводить миниисследования рынка, готовить аналитические записки и т. д. В учебных заведениях, ориентированных на академические стандарты, большое количество часов, выделенных на теоретические дисциплины, обосновывается необходимостью формирования у студентов аналитических компетенций, которые, хотя и не пригодятся им на практике, но позволят им в дальнейшем заниматься преподавательской или исследовательской деятельностью. В целом, если компетентностный подход не сводится к повторению банальностей о том, что необходимо развивать способности студентов, он противопоставляется так называемой гумбольдтовской педагогике, в соответствии с которой важна мировоззренческая компонента в учебном процессе, обеспечивающая развитие личности студента и, как следствие, его рыночной стоимости, а не наоборот. Замена такого подхода на редуцированный не может привести ни к чему иному, кроме как к потере адекватности получаемых студентом знаний. Отсутствие понимания природы экономических процессов и явлений, которым уделяется особенное внимание в гумбольдтовской педагогике, приводит к вырождению профессии экономиста до роли апологета государственного интервенционизма. Следует признать,

¹⁵ Л. Мизес называл этих специалистов — специалистами по интервенционизму, которых и готовят в современной высшей школе. Их задача в том, чтобы интеллектуально обосновывать расширения государства за рамки минимального государства (Р. Нозик) и придумывать конкретные механизмы вмешательства в спонтанный порядок человеческого сотрудничества (Ф. Хайек).

¹⁶ П. Самуэльсон говорил, что экономисту приходится страдать от «шизофрении»: как профессионал он не имеет права давать оценочные суждения, а как гражданин — имеет. То есть экономист может осуждать то, что сам же делает. Например, экономист в Третьем рейхе мог планировать уничтожение неарийских рас, одновременно осуждая это как гражданин, но ничего не меняя. До таких выводов приходится доходить тем, кто стоит на позиции юмовского феноменализма, давно преодоленного в феноменологии Э. Гуссерля и в прагматологии.

что движение в направлении компетентностного подхода будет лишь усугублять проблему неадекватности экономического знания. Чем больше студент ориентирован на получение компетенций, тем меньше внимания он уделяет (и тем меньшее значение он придает) реалистичности и релевантности экономической теории как фундаменту своей профессии, рассматривая затраты труда и времени на изучение данной дисциплины как вынужденное и с профессиональной точки зрения бессмысленное времяпрепровождение. Преодоление сложившейся тенденции видится нам во все большем внимании к *качественному анализу* экономических процессов, априори уделяющему все внимание причинно-следственным связям и природе экономических процессов, тем самым формируя у студентов целостное и релевантное их видение.

Движение в направлении компетентностного подхода, если оно продолжится, подтвердит верность прогноза испанского философа Х. Ортега-и-Гассета о появлении «профессиональных невежд», обученных моделированию тех процессов, о природе которых они не имеют представления, но оказывающих влияние, пользуясь авторитетом экономической науки, на экономическую политику¹⁷. Такие экономисты, претендующие на определенную социальную значимость, представляют особую опасность расширенному порядку человеческого сотрудничества, осуществляемому через институты капитализма. Увеличение критической массы таких «экономистов» приведет экономическую систему к новому «предательству клерков» (интеллектуалов)¹⁸, которое в свое время произошло усилиями кафедр-социалистов и теоретиков государственного интервенционизма в Германии в первой половине XX века. Огосударствление экономики и подавление предпринимательской активности получит интеллектуальную поддержку в профессиональном сообществе «экономистов».

V

Технократизм экономического сообщества представляет из себя еще одну опасность для экономического порядка. Позитивистки ориентированная экономическая теория, не учитывающая методологическое различие между науками о природе и науками о человеческой деятельности, имеет один корень с марксистским объективизмом¹⁹. И тот и другой не замечают субъективной природы экономических процессов, надеясь «научными» методами достичь познания законов экономического развития. И тот и другой страдают «пагубной самонадеянностью» и верят в возможности разума организовывать общество «на разумных началах». Ф. фон Хайек в своей «Контрреволю-

¹⁷ Профессор экономической школы Тель-Авивского университета и экономического факультета Нью-Йоркского университета в статье, переработанной в версию президентского доклада, прочитанного на заседании Эконометрического общества в Мадриде в 2004 г., пишет: «Чем, черт возьми, я занимаюсь? По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем себе позволить такую роскошь — оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатываем на этом. Мы называем себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики... Я считаю, что, как экономисту-теоретику, мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций. Однако экономическая теория обладает реальным воздействием. Я не могу игнорировать тот факт, что наша работа в качестве преподавателей и исследователей влияет на умы студентов, причем так, что мне это, повторю, не очень нравится» [15, с. 63 и 79].

¹⁸ Автор книги «Предательство клерков» — Ж. Бенда. Роль интеллектуалов в XX веке свелась к технократизму, от которого рукой подать до интервенционизма, так как «злоупотребление разумом» в науках о человеческой деятельности характерно для людей не светских (по Ж. Бенда), а для «клерков», обслуживающих машину интервенционизма.

¹⁹ Следующие слова Н. Бухарина подтверждают мысль о том, что позитивизм и марксизм имеют один методологический корень: «Нам остается только один метод исследования, именно соединение абстрактно-дедуктивного метода с методом объективным, соединение, которое является одной из характерных черт марксистской политической экономии. Только таким путем можно построить теорию, которая не представляла бы вечного противоречия в себе самой, а была бы действительным орудием научного познания капиталистической действительности» [4, с. 100].

люции науки»²⁰ [18] убедительно показал, что и марксизм, основанный на гегелевском диалектическом методе, и позитивизм О. Конта имеют один корень — интервенцизм, разрушающий экономический порядок. В сущности, современная экономическая теория, преподаваемая в высшей школе, продолжает пользоваться объективистской (читай марксистской) методологией, не испытав на себе влияния методологической революции, осуществленной К. Менгером [11, с. 289–495] и заключающейся в том, что в науках о человеческой деятельности невозможно абстрагироваться от субъективной и творческой деятельности экономических агентов и что это их свойство должно быть поставлено во главу угла в методологии современной экономической теории [17, с. 25–43].

Причина технократизма и интервенцизма коренится в переливе «рабочей силы» из точных наук физико-математического направления в общественные науки, прежде всего в экономику. Математики и физики, компетентные (и не очень) в своей области, переходя к исследованию экономических процессов, некритически заимствовали методологию классической механики, уже давно неадекватную в естественных науках²¹, а кроме того, занимались применением математических методов в области, которая им была до этого абсолютно неизвестна и очень часто абсолютно неинтересна²². Заставить совершить такой переход их могло перепроизводство специалистов в своей области, а также желание получить более высокий социальный статус и привилегии, связанные с тем, что элегантные математические модели (даже не имеющие никакого экономического смысла) воспринимаются со «священным трепетом» представителями политического истеблишмента, а также академическим сообществом, выдающим в такой формализации верх научности и «продвинутой». Социальный дивиденд экономиста-математика гораздо выше, чем у просто математика: он может себе позволить дорогостоящие (ничего не стоящие?) консультации политиков, а также крупных корпораций, а кроме того, у такого экономиста-математика появляется нимб над головой, и он, не без священного гнева, презрительно называет профессиональных экономистов «литераторами», работающими в словесном жанре, или просто — «болтунами»²³. В конце концов, он может получать социальный дивиденд косвенно, повышая чувство собственной значимости, третируя студентов и коллег их «отлученностью» от вершин математического анализа, доступных только экономистам-математикам. Все эти дурачества были бы простительными, если бы не оказывали никакого влияния на экономику, но такое влияние, несомненно, имеется²⁴. Выпускники высшей школы не только получают неадекватное представление о природе экономических процессов, но и оценивают процессы в экономике с позиции технократа и интервенциста²⁵.

В современной высшей школе, ориентированной на неоклассическую экономическую теорию, теоретические курсы подразделяются на несколько групп, в зависимости от степени «продвинутой», причем эта «продвинутой» определяется сложностью математического аппарата. Чем сложнее математический аппарат, тем «продвинутой» курс, вне зависимости от экономической содержательности курса.

²⁰ Ф. фон Хайек был одним из первых, кто обратил внимание на интеллектуальное родство «отца позитивизма» и «апологета немецкого национализма». Общее между ними — интервенцизм.

²¹ Со времен возникновения неклассической физики А. Эйнштейна, М. Планка, В. Гейзенберга и др.

²² Профессор экономической школы Тель-Авивского университета и экономического факультета Нью-Йоркского университета откровенничает: «Возможность получить осмысленные утверждения, манипулируя математическими символами, было главным, что привлекало меня в экономической теории» [15, с. 75].

²³ Не против таких ли «критиков» вербального анализа направлены слова Платона: «Нет большей беды, чем ненависть к слову» [1, с. 677].

²⁴ Профессор Ар. Рубинштейн, которого мы уже цитировали, продолжает: «Тем не менее я являюсь преподавателем микроэкономики. Я часть «машины», которая, как я подозреваю, влияет на студентов и вырабатывает в них такой образ мыслей, который мне самому не очень-то нравится» [15, с. 75].

²⁵ Современный финансовый кризис, а также то, как на него реагируют политики и экономисты, — яркое тому подтверждение.

В результате возникают такие курсы, как «Микроэкономика-3», «Микроэкономика-4» и т. д., которые содержат в себе все больше математических моделей и все меньше экономического содержания. В пределе — экономика без остатка должна растворяться в математике, так как иметь дело с качественными экономическими проблемами и заниматься качественным же их анализом — для экономистов-математиков недостаточно «продвинуто». В результате возникает академическая иерархия: наверху «чистые» математики, а внизу — экономисты, ориентированные на качественный анализ. Кризис современной экономической теории, а также адекватности экономического образования мы связываем с подобного рода перевернутым треугольником, когда экономиста учат экономике люди, либо не имеющие о ней никакого представления, либо имеющие его на уровне здравого смысла, или же имеющие о ней ложное представление.

Решение данной проблемы нам видится во все большей роли качественного анализа, основанного на идеях праксиологической традиции К. Менгера, О. Бем-Баверка, Ф. фон Хайека. Л. фон Мизеса, И. Кирцнера, У. де Сото²⁶ и др. Это означает, что необходим поворот от позитивистской методологии в экономической теории, заимствующей стандарты в классической механике И. Ньютона, к «философии экономической деятельности», о которой говорил Л. фон Мизес: «Экономическая наука... является философией человеческой жизни и деятельности и касается всех и каждого энергией цивилизации и человеческого существования. Мало кто способен внести значительный вклад в экономическое знание. Но все разумные люди должны ознакомиться с учением экономической теории. В нашу эпоху в этом заключается главный гражданский долг» [12, с. 823–824].

VI

Если бы сегодня жили: Й. Шумпетер, К. Менгер, Дж. М. Кейнс, К. Виксель, какова была бы вероятность того, что ведущие академические журналы взяли бы опубликовать их работы? Как известно, сегодняшняя «научная» работа по экономике должна иметь:

- а) математическую модель,
- б) ссылки на «классические статьи», соответствующие стандартам позитивизма,
- в) эконометрическую часть, где тестируется предложенная модель²⁷.

Значит, ни один из вышеназванных экономистов не получил бы разрешения на публикацию своей работы в ведущих экономических журналах. И если бы в наше время жил экономист, по масштабу не уступающий вышеназванным «титанам» экономической мысли, он, скорее всего, остался бы безызвестным, либо «широко известным в очень узких кругах»²⁸.

Какой вывод можно сделать из этого мысленного эксперимента? Либо Й. Шумпетер, К. Менгер, Дж. М. Кейнс, К. Виксель не имеют права претендовать на какой-либо авторитет для современной экономической теории, либо современная экономическая теория не имеет права претендовать на то, что она способна порождать «титанов», и должна признать, что способна порождать лишь «клерков» экономической мысли, которые способны заниматься лишь «мелкотравчатыми» проблемами и теориями²⁹.

²⁶ В своем недавнем выступлении в Москве профессор Уэрта де Сото отметил, что в континентальной Европе набирает силу тенденция перехода в образовательном процессе от неоклассики к праксиологии. Если эта тенденция дойдет и до России, то рано или поздно должна будет пойти речь о создании высшего учебного заведения, где бы экономическое образование давалось бы на основании праксиологии.

²⁷ См. также [14].

²⁸ Вышесказанное не означает того, что нет издательств, готовых к публикации и публикующих представителей гетеродоксальной и альтернативной экономической мысли, но их влияние на сегодняшний день несопоставимо с количеством публикаций в ортодоксальных издательствах и журналах. Видимо, эта ситуация постепенно изживает себя, и, возможно, в перспективе роли поменяются.

²⁹ И. Гете предлагал критерием истинности считать плодотворность: «Лишь плодотворное ценно», то есть если современная экономическая теория неплодотворна с точки зрения порождения «титанов», то она, по Гете, и не истинна.

С нашей точки зрения, необходимо оценивать состояние теории по способности привлекать к себя индивидуумов масштаба Дж. М. Кейнса³⁰ и Й. Шумпетера: если экономическая теория перестает быть способной к тому, чтобы быть для таких индивидуумов привлекательной, то это свидетельствует о ее деградации и примитивизации³¹. Это касается не только профессионалов, но и студентов. Во многих странах отмечается существенный спад интереса к экономической теории из-за ее неадекватности и того, что ее изучение уводит от исследования экономических проблем к решению математических задач, не имеющих никакого экономического смысла³². Природа экономических процессов и явлений, а также овладение экономическим мышлением, позволяющим понять их сущность, не получают должного внимания в большинстве ведущих вузов мира.

VII

Каковы возможные варианты развития экономической теории в XXI веке? На этот вопрос недавно попытались дать ответ современные российский и западные экономисты в сборнике «Истоки» [7]. Профессор Н. А. Макашева, например, в крайне интересной статье пишет о том, что историческая траектория последних пятидесяти лет делает наиболее плодотворной и перспективной эволюционно-институциональную парадигму в экономической теории, так как от марксистской политической экономии в российском сообществе экономистов осталась традиция к «большой теории», а также к существенному вниманию к институтам собственности, права и т. д. Российских экономистов сейчас объединяет институционально-эволюционная парадигма. Нам представляется верным данный профессором Н. А. Макашевой анализ факторов, исторически влияющих на траекторию экономической теории в постсоветской России. Но мы считаем, что дальнейшее развитие экономической теории вряд ли должно идти по пути некой «партийности», пускай даже довольно широкой, так как централизованные системы, в том числе и ментальные, к которым относится и экономическая теория в современной России, менее эффективны, чем те, что основываются на спонтанном порядке человеческого сотрудничества. А каким он будет в XXI веке, невозможно сказать на основе исторического опыта. Иначе мы впадем в грех историцизма, будем пытаться предсказать будущее и открыть универсальные законы исторического развития на основе событий прошлого, что с праксиологической точки зрения невозможно.

³⁰ Представители австрийской школы неоднозначно относятся к личности Дж. М. Кейнса. Например, Л. фон Мизес считал его невеждой в экономической теории, а Ф. фон Хайек называл смерть Дж. М. Кейнса «смертью одного из величайших экономистов». Существуют экономисты, например Дж. Шэкл, которые пытаются объединить австрийскую теорию и посткейнсианство на основе идеи неопределенности будущего и отрицания эконометрики. С нашей точки зрения, от Дж. М. Кейнса до праксиологии ближе, чем от неоклассики до праксиологии. Возможно, что именно экономисты, хорошо знающие работы Дж. М. Кейнса, смогут увидеть перспективность праксиологии, так как, не разделяя выводов Дж. М. Кейнса, можно согласиться с тем, что его работы стилистически, а также в некоторых содержательных аспектах, ближе к австрийской традиции качественного анализа динамических процессов, чем к равновесным моделям неоклассики.

³¹ В статье С. Р. Моисеева «Проблемы формализации макроэкономики» приведены данные, показывающие падение престижности экономического образования за последние 50 лет. Одну из причин этого сформулировала Комиссия по докторскому образованию Американской экономической ассоциации: «экономическое образование вооружает хорошими математическими навыками и инструментами анализа, однако не дает понимания экономических проблем и институтов». То есть экономистов учат моделировать то, природу чего они не понимают. Кроме того, в этой статье можно найти высказывание Р. Коуза: «В годы моей юности то, что звучало глупо на словах, можно было спеть. В современной экономике это можно выразить математически» [13, с. 308–310].

³² Еще одна цитата из статьи профессора Ар. Рубинштейна: «В целом у меня сложилось ощущение, что формальные упражнения, которые мы задаем нашим студентам, в лучшем случае делают изучение экономической теории менее интересным, а в худшем — способствуют формированию довольно неприглядного «экономического человека» [15, с. 78].

Но у нас действительно есть «преимущества отсталости», если праксиология станет экономической теорией XXI века, так как современная неоклассическая теория, господствующая в ведущих странах мира, по инерции продолжает не замечать своего кризиса, и альтернативных источников роста у них не появляется. Мы, таким образом, ближе к смене неоклассической парадигмы праксиологий, чем ведущие страны Запада. Это лишь возможность, реализация которой во многом связана с тем, что за последние годы у нас не переводилось ни по одному направлению экономической мысли столько книг, как по праксиологии. Все это создает фундамент для того, чтобы созрела потребность перейти от этапа освоения наиболее ценных праксиологических идей к этапу их развития³³.

Возвращаясь к вопросу о сущности профессии экономиста, проанализировав его в современном обществе, и о необходимости смены парадигмы на праксиологическую, мы можем сформулировать основные черты экономиста, относящегося к своей профессии не только как к источнику благосостояния, но и как к призванию. Духовный смысл профессии экономиста в том, чтобы, не уходя от действительности в математические модели, быть способным дать ответы на вызовы времени, в том числе на вызов интервенционизма; в том, чтобы служить истине, а не текущей конъюнктуре политического цикла; в том, чтобы исследовать волнующие общество проблемы, видя в них не только эмпирические факты, но и исследуя сущностные аспекты, лежащие в основе тех или иных экономических феноменов; в том, чтобы понимать экономику не как ряд статичных равновесий, а как динамический процесс, как спонтанный порядок, в котором особую роль имеют представления экономических агентов, а также их предпринимательские действия; в том, чтобы исследовать смысл, который вкладывают в свою деятельность индивидуумы. Но все же главная деятельность экономиста в том, чтобы просвещать относительно того, что лежит в основе экономических процессов, и что в наибольшей степени способствует спонтанному порядку человеческого сотрудничества, какова в этом роль институтов капитализма и почему государственный интервенционизм и социализм разрушают свободу и предпринимательское творчество, характерное не только для материальной сферы, но в не меньшей степени и для духовной.

Поэтому просвещение должно начинаться с самих экономистов и других обществоведов, чтобы современные экономисты были подобны К. Менгеру, о котором говорили, что если бы у него было семеро сыновей, то все бы они занимались экономикой [11, с. 44].

Дж. М. Кейнс писал:

«События грядущих годов, будут направлены не сознательными действиями государственных деятелей, но скрытыми течениями, непрерывно бегущими под поверхностью политической истории, результаты которой никто не в состоянии предсказать. Нам дан лишь один способ влиять на эти скрытые течения; этот способ заключается в использовании тех сил просвещения и воображения, которые изменяют мнения людей. Провозглашение истины, разоблачение иллюзий, уничтожение ненависти, *расширение и просвещение человеческих чувств и умов — таковы наши средства* (выделено мною. — П. У.)» [8, с. 66].

³³ Возможен скепсис в отношении данного утверждения со стороны представителей самой австрийской школы в России. Ведь количество учебников по микроэкономике и макроэкономике неоклассической версии во много раз превышает доступные работы «австрийцев». Например, в библиотеке вуза, где работает автор данной статьи, порядка 500 экземпляров по основным теоретическим курсам (Пиндайк, Рубинфельд, Кац, Розен, Фишер, Дорнбуш, Мэнкью, Сакс, Кругман и т. д.), которые активно используются студентами, а вот «Человеческая деятельность» Л. фон Мизеса представлена всего в двух экземплярах, один из них брали два раза, второй — один. Однако учебники все же не следует смешивать с серьезными работами. Последние должны быть для начала прочитаны самими преподавателями, а этот этап еще не пройден в отношении австрийской школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Федон (89 d) // Платон. Диалоги. Кн. 1. — М.: Эксмо, 2008.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют : пер. с англ. / научн. ред. В. С. Автономов. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
3. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика : пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2009.
4. Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье. М.: Государственное издательство, 1919. С. 45. Цитата по Литошенко Л. Метод Маркса. Вопросы экономики // Вопросы экономики. 2008. № 9.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: РОССПЭН. 2006.
6. Дж. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М: Эксмо, 2007.
7. Истоки : Из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол. : Я. И. Кузьминов.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006.
8. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993.
9. Коутс А. У. // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под. ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В. С. Автономова и С. А. Афонцева. СПб.: Экономическая школа, 2002.
10. Маршалл А. Основания экономической науки : пер. с англ. В. И. Бомкина и др.] М.: Эксмо, 2007.
11. Менгер К. Избранные работы. М. Территория будущего, 2005.
12. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005.
13. Моисеев С. Р. Макроэкономика. М.: КНОРУС, 2008.
14. Розмаинский И. В. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX — начала XXI века // Вопросы экономики. 2008. № 7.
15. Рубинштейн Ар. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 63, 79; Rubinstein A. Dilemmas of an Economic Theorist // Econometrica. 2006. Vol. 74. № 4.
16. Самуэльсон П. О чем экономисты думают: Беседы с нобелевскими лауреатами / под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; Моск. школа управления «Сколково»; М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.
17. Сото У. де. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2007.
18. Хайек Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом / пер. с англ. под. ред. Р. И. Капелюшникова. М.: Новое издательство, 2003.
19. Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. / пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2001.